

Д.Х. НАСЫРОВА

*педагог-методист «Эколого-биологический центр учащихся», г. Уфа**

Философия экологического кризиса в контексте «философии мифологии» Ф.В.Й. Шеллинга

Мифологический процесс начинается с «неограниченно сущего», которое вновь возвышается и достигает сегодня господства. В силу того, что данный принцип властвует над сознанием, сущность человека возвращается в самое начало природы и даже в предшествующее ей время. Фундаментальный принцип первичен по отношению к природе. Однако в своей неограниченности он выступает как нечто «противоестественное» и потому ничего не хочет знать о природе. Ведь природа – это нечто ограниченное. Духовный же принцип, неограниченно властвуя, означает отрицание всей природы. Он – именно тот «лик Божий», до которого ни один человек ни существовать, ни жить не может. Таким образом, это начало, опережающее всё стоящее впереди, которое противостоит всему конкретному, земному.

В «правосознании» этот принцип присутствовал в качестве покоящейся «потенции». Он был чисто духовным, некой точкой притяжения всех потенций. Но когда он выступает за свои границы, он исключает более высокие потенции. И тем не менее, он жаждет утвердиться как центральный и ничем не ограниченный. Его духовность остаётся лишь в нём самом и носит скрытый, латентный характер. Выступая из духовного состояния, он неизбежно откатывается на периферию, становясь материальным, основой по отношению к последующей, более высокой потенции. Теперь же он стремится к духовному самоутверждению, не желает утратить духовность, т.е. стать чем-то страдающим, материальным. Напротив, он жаждет утвердиться в

* *Насырова Дилара Халитовна*, e-mail: valiakhmetova.alfira@yandex.ru

качестве надматериального, противоборствуя более высокой необходимости, низводящей его на уровень материи, вещества.

Борьба разворачивается в сознании как раз именно в те моменты, которые мы наблюдаем, прослеживая процесс раннего становления природы. Тогда всё поглощающий и безграничный был разорван и уничтожен «потенцией», подчинившей его. Но каждый из этих распавшихся элементов мечтает стать духовным в себе, хочет стать центром, т.е. не материальным, а духовным. Однако более высокая сила неуклонно отодвигает его на периферию сознания.

В этом вечном круговороте материи и духа, которые боролись между собой, осуществился, как нам думается, переход к будущей природе и сформировалась система мира. Адекватный этому времени момент мифологического сознания представляет собой астральную религию, самую древнюю религию человеческого рода, или «сабизм». Эта религия олицетворяет собой почитание «небесного воинства», которое впоследствии переросло в понятие духовного царства, окружающего небесный трон человека и общества.

В древние века почитались далеко не небесные тела. Телесное относилось к случайному: само же небесное созвездие мыслилось как нечто «сверхтелесное». Сабизм касался только астрального основания сидерического движения, свойственного созвездиям, а не чувственным ощущениям или влияниям солнца. Но ту основу движения древнее человечество нащупать было совершенно не в состоянии: ни с помощью непосредственного чувственного восприятия, ни посредством мысли.

Более того, человеческий род, человечество, глубоко почитавшее обитавшего во Вселенной «духа», оказалось с ним один на один в этом столкновении. И путём необходимых, внутренних изменений своего сознания слилось с сущностью «астрального принципа». Первые люди оказались добычей «сидерического движения». Они вели себя, как и все древнейшие люди, как всё древнейшее человечество (далеко ещё не

народы). Жизнь людей в то время была кочевой, подобно блуждающим звёздам. Закон их сознания одновременно являлся и «законом их жизни». В звёздах, этих вечных странниках, кочующих по эфирно-небесной пустыне, древнее человечество созерцало только «прообраз» своей собственной жизни, беспокойной и монотонной. «Небесный царь» постепенно занял место действительного Бога в сознании, и оно сильно цеплялось за него, дабы не утратить Бога совсем.

В некотором смысле древнейшая экологическая культура носила монотеистический характер, поскольку ей было свойственно почитание этого «единого принципа». Однако её Бог являлся односторонним «единством», и потому оказался так подверженным силам разрушения. Из этого разрушения и возник политеизм в собственном смысле этого слова. Но «небесный царь», как один, единственный Бог был как раз тем, кто препятствовал распаду «доисторического прошлого», пока не пришло время кризиса и разделения народов.

В связи с этим можно выделить следующие друг за другом эпохи. Первая эпоха является временем исключительного, хотя и не бесспорного господства «слепого», вне себя сущего, начала природы. Здесь «В» ещё только утверждается по отношению к более высоким потенциям, в том числе и к «потенции» экологического действия человека¹.

Вторая эпоха – это эпоха «В». При этой эпохе действительное подчинение господствовавшего до сих пор духовного принципа последующей, более высокой потенции, осуществляется таким образом, что он делается для неё доступным, но всё же оказывается достаточно преодолимым. До того момента, как это «сидерическое начало» оказалось подчинённым, оно являлось сознанию, прикованному к кругу необходимых представлений, в мужском облике, в качестве

¹ См.: Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung 1841/42. Herausgegeben und eingeleitet von M. Frank. Suhtkamp Verlag Frankfurt am Main, 1977, s. 216.

«Властелина неба», в качестве «Урана». Но поскольку принцип в начале ведёт себя пассивно, подчиняясь, подобно материи, возможному усилию, то, согласно естественному ходу развития представлений, становится женским. Так, «царь неба» превращается в Уранию. Этой идеей выражается первый переход, первый основополагающий принцип мифологии. Сам по себе «сабизм» ещё не есть мифология.

Последняя эпоха возникает только через последовательный политеизм. Хотя тот «Господь небесный» составляет уже первое звено в цепи будущей последовательности богов, он ещё таковым не является. Сабизм – это пока не историческая религия, а также и не экологическая философия.

За первым Богом неизбежно следует второй. Но это ещё не Урания, а только переходное звено к ней. Мы застаём Уранию уже в сознании самых ранних народов; именно там, где древний сабизм уже склоняется к почитанию материальных звёзд. У персов живо ещё воспоминание о той древней религии. Ведь они преклоняются перед небесным круговращением, а помимо этого ещё и перед солнцем, луной и элементарными телами (материализовавшимися звёздами). К тому же они научились приносить жертвы и Урании (Геродот I, 131 и 199). Данное место из Геродота свидетельствует о самом первом выходе сознания из состояния чистого сабизма. Помимо персов этот переход особенно отчётливо обозначился у вавилонян и ассирийцев, а также арабов (этих жителей «счастливой Аравии», по образному замечанию Геродота). У вавилонян Урания почиталась под именем Милитты. С её появлением, с приходом этого, ставшего «сговорчивым», первого Бога, также и вторая потенция обрела в сознании законное место. Ведь превращение первого бога в женское существо знаменует и появление второго Бога. Это ясно прослеживается из того обычая, который упоминает Геродот, рассказывая о древних вавилонянах.

Но и в этой седой древности переход сознания от старого Бога к новому выглядит как нарушение супружеской верности. Среди арабов в дальнейшем обозначился второй, духовный бог – «сын Урании». Воплощаясь в женское существо, первый Бог при этом полагает второго. Геродот уже здесь именует этого второго Бога Дионисом. И мы в дальнейшем будем пользоваться этим именем, не подразумевая под ним греческого Бога. Его предназначение состоит в том, чтобы преодолеть тот первый, необузданный, от самого себя, отчуждённый принцип и вернуть сознание к состоянию человечности и духовности. Он – освобождающий Бог, и вершит своё дело в сознании только последовательно. Следовательно, его связь с преодолеваемым в каждый момент различна. Вторая космическая потенция, ставшая чем-то действительным, отлична от того состояния, когда оно только что начинает действовать, и от того, когда его действие уже свершилось. Время Урании – это время двух бездейственно сосуществующих Божеств (например, как это можно обнаружить у арабов, согласно Геродоту). Однако назначение Диониса заключается в основании истинно человеческой и экологической жизни. Его имя – повелитель человека. Но человеческое сознание ещё продолжает зависеть от того «первого принципа», и поэтому нет ничего труднее, чем оторваться от него. Сознание действительно должно придерживаться того «принципа», поскольку он есть нечто полагающее Бога. Сознание не стремится стать реальным, вне себя сущим. Ведь оно боится утратить вместе с этой реальностью и самую Божественность.

Эпоха С – это эпоха борьбы между «слепым принципом», нарушаемым повсюду, и потенцией, возвращающей принцип в самого себя. Но эта борьба происходит исключительно в разные моменты, в результате чего само экологическое сознание оказывается как бы «разорванным».

Первый момент возникает там, где сознание непосредственно противостоит действию освобождающего Бога, и «смягчившийся» духовный принцип, таким образом, выпрямляется по отношению к вышестоящему Богу. Принцип являлся гибким в отношении ещё не действующего Бога. Но, выпрямляясь и вновь собираясь с духовными силами, он является уже как Бог, застывший и замкнувшийся в своей единственности и неповторимости. Этот строгий, чуждый свободе Бог есть Бог финикийян, тирян, карфагенян, хананеян. Это – Баал, Господь. Первоначально он являлся Богом неба, т.е. Ураном. Таким образом, он остаётся по сути дела тем же самым принципом, существующим только в более ограниченном виде, поскольку не позволяет другому Богу оказывать на себя влияние, но который, тем не менее, уже находится рядом с ним. Это – Молох, Кронос. Он ещё не уступает место «освобождающему Богу» людей. До тех пор, пока тот, завидующий его единственности и уникальности, не присоединится к нему, «спаситель» может являться лишь в образе непонятого посредника между Богом и людьми, т.е. как Бог в «своём унижении» и отрицании, как Бог, которому вначале следует только обрести Божественность².

Это – финикийский Мелькарт, или Геракл. Он – предшественник Диониса и выступает в качестве Кроноса, лишённого своей Божественности.

Кронос – не подлинный Бог, поскольку из сознания исключает Сына (не из бытия; ведь это он успел сделать в предшествующий момент). Он отстраняет от власти Сына, не позволяя ему царствовать. Поэтому Геракл является под видом слуги, а не сына-освободителя; под видом страдающего слуги, каким он и показан в Ветхом Завете. Геракл – благосклонный к человечеству, постоянно обременённый хлопотами и привлекательный демон. Таким он и предстаёт в финикийской мифологии. Наконец, в греческой мифологии он выступает как

² См.: Ibid.: s. 218.

обожествлённый, преображённый в Бога духовный принцип. Подобно тому, как ранее, когда вслед за исключительным местоположением царя Неба последовал момент, в который тот царь смягчился в своей непреклонности, так и теперь Кронос становится женственным. А природа и является именно таковой.

Второй момент приходится на сознание именно тех народов, которые в истории пришли вслед за финикийскими народами. Женственный образ второго момента олицетворён «Кибелой», которая впервые явилась среди фригийско-фракийского племени. Оттуда она проникла в Грецию и Рим, где стала *religio licita*^{*}. Появление Кибелы кладёт второй камень в фундамент самой мифологии, а появление Урании – первый. Благодаря Урании стала возможной мифологическая последовательность или сам мифологический процесс, который с приходом Кибелы превращается в действительность. Последняя означает решительный переход к политеизму.

Но прежде, чем перейдём к истинному политеизму, сделаем ещё одно общее замечание. Принцип, согласно которому мифология может развиваться дальше, есть принцип последовательного выхода соединённых в прасознании потенциалов, которые после его раскола могут вновь воссоединиться лишь только последовательным образом. Сначала сознанием владела только одна потенция, «Уран». Впоследствии же она уступила место другой. Это есть первая победа над смертью, которая исключается. Первое явление, начало^{**} в переводе с греческого, именуется как раз явлением Урании. До момента второго^{***}, где явление Урании становится объектом подлинного отрицания, до Кибелы, мы имеем дело лишь с двумя началами. Теперь же происходит фактическое преодоление первого начала посредством второго. Однако это осуществляется таким образом, что первое,

* «узаконенной религией» (лат.).

** «начало» (греч.).

*** «сотворение» (греч.).

переворачиваясь, становится престолом для высшего. Так, любовь, как самое первое начало, выступает победоносным завершением смертоносной силы природы. Но сама природа нуждается в человеке, требует его любви к ней.

Начиная отсюда, мы сталкиваемся с «тотальностью» космических потенций. Но лишь вокруг них движется сам мифологический процесс; всё же остальное является более или менее случайным. Вплоть до той точки, где возникают первые мифологии, мы можем продвигаться вперёд, лишь следуя за связующей нитью потенций. Так, в смерти мы созерцаем пришествие второго Бога. Наша эпоха становится временем господства «третьей» потенции. Явление первого принципа в Кибеле знаменует наступление подлинного времени её действия. Ведь «дух» может явиться лишь в том случае, если бездуховное начало постепенно размягчается. Пока же Кронос всё и вся отвергает, «третья» потенция начать действовать не может. Всему застывшему необходимо сначала отважиться смягчиться, т.е. стать чем-то одухотворённым.

Насырова Д.Х. Философия экологического кризиса в контексте «философии методологии» Ф.В.Й. Шеллинга. В статье анализируется идея философии «экологического кризиса в контексте философии мифологии» Ф.В.Й. Шеллинга. Развита мысль о том, что наиболее адекватный вариант экологической парадигмы достигается путём рефлексии над эпохами мифологического процесса. Это позволяет затронуть более глубокие пласты экологического сознания, связанные с «потенциями», или культурно-историческими силами прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: «философия мифологии», «эпохи» мифологического процесса, «потенции», экологическая культура, экологическое сознание, любовь человека к природе.

Nasyrova D.H. Philosophy of ecological crises in context of “philosophy of mythology” by F.W.J. Shelling. The article analyzes the philosophical idea of “ecological crisis in the context of F.W.J. Shelling’s philosophy of mythology». The idea was developed that the most adequate variant of the ecological paradigm can be achieved through the review of mythological process epochs. This makes it possible to analyze deeper layers of ecological awareness, connected with “potency” or cultural and historic powers of the past, present, and the future.

Key words: philosophy of **mythology**, mythological process epochs, potency, ecological culture, ecological awareness, man’s love for nature.